

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (историографический обзор)

С давних времен проблема «перводвигателя» истории вдохновляла ученых на поиски неких устойчивых закономерностей, определяющих ход исторического процесса. Среди таких детерминантов назывались климатические и географические условия, экономика, божественный телеологизм, а также изменения в человеческой психике, влекущие за собой перестройку всех сфер жизни социума.

Появившиеся еще в античности идеи поиска психологических мотиваций человеческих поступков значительно активизировались в XX столетии в связи с развитием психологии как специальной научной дисциплины. Необходимость применения ее методов в исторических исследованиях признали представители самых различных направлений в историографии. В качестве детерминантов исторического процесса одни из них называли изменения экономических или политических условий, другие — демографические перемены, третьи — телеологизм. Однако всех их объединяет, независимо от субъективных установок, обращение к психологии как средству декорирования исторического процесса, позволяющему углубить понимание человека в истории.

Иной подход к выявлению исторических детерминантов демонстрируют психоисторики — представители нового исторического направления, возникшего в 60-е годы нашего столетия и особенно интенсивно развивающегося в США. Изменения психики человека они считают важнейшим фактором исторического развития. Созданию этой концепции личности, достаточно гибкой и в то же время целостной и стройной, способствовали достижения аналитической психологии, фундамент которой составили работы таких знаменитых философов и психологов XX в., как З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер.

Разделив психику на три инстанции (Id, Ego, Super-Ego), З. Фрейд открыл возможности проследить эволюцию изменяющихся инстанций (Ego, Super-Ego) и выявить инварианты психики человека (Id). По мысли З. Фрейда, именно Id является неизменной величиной, накладывающей отпечаток на все виды человеческой деятельности. Бессознательные импульсы, идущие от Id, ограничены требованиями, которые предъявляет к индивиду социум. Подавляемые и вытесняемые гедонистические порывы могут принимать как безобидные формы, например сублимация (перемещение вытесненного желания в разрешенный вид деятельности), так и болезненные (невроз).

Показав принципиальное сходство процессов становления индивида и социума, З. Фрейд тем самым сформулировал так называемый биогенетический закон, заключающийся в отождествлении онто- и филогенеза: индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез). «Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке, — утверждает З. Фрейд, — первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотеме и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе: религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди, но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин»¹.

Оставляя в стороне медицинскую сторону применения психоанализа, признанную во всем мире, отметим здесь то значение, которое имеет использование методов фрейдизма для рассмотрения коренных вопросов религии, морали и истории общества. Оно заключается прежде всего в том, что, определив в качестве инварианта истории бессознательную

часть психики, З. Фрейд показал те движущие силы, которые формируют личность, заставляя ее принимать формы, адекватные социальным требованиям. Именно в этой части фрейдизм составил ядро новой научной дисциплины — психоистории, для которой характерно систематическое применение психоанализа к изучению исторических процессов и явлений.

В психоистории обычно выделяется два основных направления: *life-history*, фокусирующее внимание на исторических биографиях великих людей, и *group-history*, объектом рассмотрения которого является коллективная психология людей².

Хотя психоанализ и является краеугольным камнем психоистории, фрейдизм в ее рамках претерпел большие изменения, ибо психоисторики не абсолютизируют детерминированность исторического процесса психикой человека. Основанная на фундаменте психоаналитической методологии, психоистория вырабатывает собственные подходы к историческому материалу.

Один из классиков психоистории Э. Х. Эриксон, заложивший основы *life-history*, в своей концепции развития личности перенес акцент с фрейдовского *Id* на *Ego* как центр непатологического развития личности, заключающегося в усвоении внутренних (биологических) и внешних (социальных) требований к индивиду. По иному трактует Э. Эриксон и соотношение «индивид — социум». Если З. Фрейд убежден в неизбежности столкновения индивида с социальной средой, то Э. Эриксон говорит о врожденной адекватности ребенка и среды.

Пытаясь преодолеть характерное для психоисторических теорий дробление личности на психологические подструктуры (*Id*, *Ego*, *Super-Ego*), одни из которых обусловлены биологически и индивидуально, а другие представляют собой новообразования, возникшие под воздействием общества, Э. Эриксон выдвинул свою концепцию личности как результат последовательного вписывания индивида в систему социальных связей, названную эпигенетической. В отличие от генетической теории, которая предполагает, что в процессе раннего индивидуального развития происходит целостное преобразование качеств личности в совершенно новые, эпигенетическая утверждает, что личность представляет собой соединение всех качеств, которые она приобретает, пройдя через стадиальные кризисы идентичности³.

Понятие о кризисах идентичности (адекватности среде обитания) — одно из основных в теории Э. Эриксона. Ребенку свойственна врожденная идентичность со средой. Однако общество предъявляет набор определенных требований, которые заставляют ребенка изменяться. Удачное приспособление к изменившимся условиям снова создаст идентичность, но уже иного уровня. Функции *Ego* являются решающими в формировании идентичности: они вырабатывают механизмы психологической защиты, формируют самоконтроль. Все компоненты психосоциальной идентичности связываются между собой мировоззрением личности, позволяющим человеку понять, кто он в глазах других людей и в историческом процессе⁴.

Говоря о социальной природе *Ego* (основным источником формирования *Ego* З. Фрейд считал развитие самого индивида), Э. Эриксон подчеркивал единообразие всех стадий онтогенеза во всех ныне существующих обществах. По его мнению, все они, на каких бы стадиях социально-экономического развития ни находились (и европейские народы, и туземцы Полинезии, и племена Африки), не являются инфантильными или реликтами прошлого; их нормы, обычаи, институты как бы внешне ни отличались, все же обеспечивают достижение завершенной формы человеческого бытия⁵. Этот постулат Э. Эриксона диаметрально противоположен позиции советских психологов, утверждавших, что разные социально-экономические уклады формируют качественно различные типы личности, например социалистический в отличие от капиталистического.

На основе исторических и этнографических исследований и клини-

ческого опыта Э. Эриксон выработал следующую формулу формирования психосоциальной идентичности во все века и у всех народов: биопсихологические задатки + ранний детский опыт + широкие социально-исторические влияния. В соответствии с этой формулой, в развитии любой личности он выделил восемь стадий, каждая из которых начинается и заканчивается кризисом. Это — младенчество, раннее детство, игровой возраст, школьный возраст, юность, ранняя зрелость, поздняя зрелость, старость. На каждой из возрастных стадий общество предъявляет индивиду определенные требования.

Особое значение Э. Эриксон и все психоисторики придают раннему детскому опыту, накладывающему отпечаток на всю дальнейшую жизнь индивида. Так, в психобиографии Гитлера Э. Эриксон, анализируя «Mein Kampf», перепищу, событийную канву, исследовал этапы формирования черт характера будущего фюрера⁶.

С достижением очередной возрастной ступени набор требований меняется и возникает кризис идентичности, выражающийся в апробировании индивидом новой поведенческой модели и адаптации к ней. При этом кризисы идентичности, являясь фазами индивидуального роста, абсолютно внеисторичны, поскольку любая культура ставит перед личностью однородные социальные задачи⁷.

Эпигенетическая концепция Э. Эриксона стала теоретической основой многих психоисторических исследований. Американский историк Р. Д. Лифтон подчеркивает ее исключительное значение для понимания современного процесса универсализации человека, повышения жизнестойкости становления, по его выражению, Protean Man (по аналогии с мифологическим героем, вид которого менялся в зависимости от внешних условий)⁸.

Крупнейший представитель group-history президент американской ассоциации психоистории Ллойд де Мозе сформулировал так называемую психогенетическую теорию исторического процесса. В ее основу положена эволюция взаимоотношений поколений в семье, прежде всего — между матерью и детьми. Выделяя несколько типов таких отношений, де Мозе усматривает в их последовательной смене решающий источник глобальных исторических изменений. Именно психогенетические изменения личности, происходящие в результате интенсивного взаимодействия поколений родителей и детей, а не технология или экономика, являются основной движущей силой истории⁹.

Де Мозе использовал эту концепцию, рассматривая становление американской нации. Переселившись из Старого Света в Новую Англию, колонисты создали свой более свободный образ жизни. В результате через несколько поколений сформировался новый психовид человека-гражданина, способного ценить и защищать свое достоинство и независимость. Говоря о современности, Л. де Мозе анализирует психологическую ситуацию, сложившуюся в странах Восточной и Западной Европы, последствия господства коммунистического строя в этих государствах. Рассматривая изменения в системе воспитания детей, повлекшие за собой политические реформы и демократизацию, он оптимистически смотрит в будущее Восточной Европы, утверждая, что войны и массовое насилие станут невозможными при воспитании детей в духе свободы и сотрудничества, а не подчинения¹⁰.

В историографии психоистории заметный след оставили 1970-е годы. Тогда появился ряд исследований, авторы которых попытались совместить направления life- и group-history. Наиболее значительные среди них — работы П. Левенберга «Психоисторические источники нацистской молодежи», М. Гудиша «Детство и юношество святых XIII в.», Дж. Демоса «Перспективы развития истории детства».

Определенное влияние на расширение круга психоисторических проблем оказали работы французского историка и социолога Филиппа Ариеса. Его книга «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (XVI—XVII вв.) дала толчок новому направлению в психоисторических исследованиях, т. н. Childhood History («детская история») или Family

History («семейная история»). Эти исследования поколебали концепцию Э. Эриксона об универсальности психологических стадий индивидуального развития, но тем не менее тезис об универсальности не снят. Хотя большинство психоисториков и допускает возможность иной последовательности в стадиях развития личности, все же ранний детский опыт считается превалирующей детерминантой психологического склада личности (Дж. Демос, Д. Хант, К. Кенистон, Л. Коллинз и др.)¹¹.

Иные концепции развития человеческой психики отличаются от фрейдовской. Если Э. Фрейд, говоря о движущих силах Id, подразумевал личное бессознательное каждого отдельного индивида, то его современник К. Г. Юнг выделял коллективное бессознательное, накапливаемое человечеством в процессе исторического развития. Строго говоря, оно является ничем иным, как «возможностью...», которая передается нам по наследству с древнейших времен посредством определенной формы мнемических образов (или структуры мозга). Коллективное бессознательное состоит из связанных между собой элементарных образов, или архетипов, являющихся обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений¹². Под воздействием кризисной ситуации, личной или социальной, просходит соответствующее ситуации бессознательное оживление архетипа. Именно этим обусловлено существование вечных образов и тем в мировой литературе и искусстве.

Одной из задач психоистории сторонники К. Юнга (Ф. Маунт, Р. Уелдер, Дж. Крен, Л. Раппопорт) считают исследование «психики масс», «вытесненное бессознательное» которых придает их выступлениям импульсивный характер. Эгоистические и агрессивные инстинкты человеческой природы, как полагают эти психоисторики, не вечны. Подавляемые политическими и моральными ограничениями, а потому находящиеся до поры до времени в стадии инактивного влечения, они высвобождаются в периоды революций. Революции, таким образом, представляются как проявление «раскрепощенного инстинкта, присущего психологии масс, инстинкта, который не проявляется в других ситуациях» и носит деструктивный характер¹³. Это так называемые стихийные революции.

Планируемые революции выдвигают лидера определенного психологического типа — носителя харизмы, умеющего подчинить и повести за собой массы, способного сыграть исключительную роль в историческом процессе. Взаимоотношения такого лидера с коллективом определяются «комплексом Каспара-Хаузера», возникающим у подростка, лишенного родительской ласки и нежности. Возникшее в детстве обостренное чувство отверженности, одиночества и скрытности сохраняется у него на всю жизнь. И хотя такая личность лишена склонности к социабельности и коммуникабельности, она может обладать инфантильно-сексуальной склонностью причинять боль в двух формах: садизма и мазохизма, когда мучитель испытывает удовлетворение от терзания своих жертв или собственных мучений.

Изучение природы и механизма возникновения садизма и мазохизма привело психоисториков к созданию концепции «авторитарной личности»: все люди изначально стремятся к безропотному подчинению авторитету и лишь у немногих из них с детства проявляется стремление к авторитарной власти. Они используют этот «узурпаторский», по терминологии Э. Фромма, комплекс, неиссякаемую волю и одержимость манией власти, чтобы унижить и поработить человека. Эта страсть сильнее всего проявляется у харизматических лидеров шизофренического типа¹⁴.

Психоаналитические исследования влияния личностных особенностей вождей на исторический процесс завоевали на Западе особую популярность. В 1990-е годы вышел ряд психобиографий, в которых предпринимаются попытки объяснить глобальные процессы (формирование наций, массовые волнения, историю ментальностей) с позиций психоанализа их лидеров (Т. А. Кохут «Вильгельм II и немцы: изучение лидерства», Е. Х. Швааб «Сознание Гитлера: падение в безумие», Д. Джоделет «Безумие и социальная репрезентация»).

В науку о революциях — революциологию — значительный вклад внесли американские психоисторики Б. Мэзлиш и Р. Лифтон. Так, Б. Мэзлиш, рассматривая эволюцию политических типов революционности, причисляет современные революции к так называемому модернизаторскому типу: процессу, в котором бессознательное желание свободы, подавляемое традиционным обществом, в силу ряда причин активизируется и ведет к утверждению преимущественной ценности автономии над структурой авторитета¹⁵.

Психоисторическая революциология тесно связана с изучением природы войн. Ее основой психоисторики считают накопление энергии «коллективного бессознательного» и обострение природного инстинкта жестокости человека в периоды социальных стрессов. Такого типа эмоциональный фактор доминирует в объяснении причин прихода к власти нацистов в знаменитой работе Э. Фромма «Escape from Freedom» («Бегство от свободы»). Именно воздействием этого фактора объясняется переход мелкой буржуазии на сторону фашистов¹⁶.

XX столетие, давшее миру поучительные примеры возникновения и функционирования жесточайших диктатур, сделало актуальным изучение проблем их генезиса и эволюции. Психологическому исследованию этого феномена стали уделять внимание и наши соседи. Так, российский историк В. М. Кайтуков определил стратификацию социума в соответствии с основными и неизменными во времени психотипами. Исходя из того, что социум состоит из разнообразных, но послонно сходных в своих превалирующих доминантах индивидов, исследователь выделил в нем семь основных неизменных структур: иерархи диктата, его проводники, сопутствующие слои диктата, негативно-пассионарные слои (т. е. люмпены, преступники, с чертами гипертрофированного развития Id при чрезвычайно слабом контроле Super-Ego), производители, внедиктатные слои творцов и мыслителей, контрдиктатные инфраструктурные конгломераты (творцы, генерирующие идеи цивилизационного масштаба)¹⁷. Данная классификация основана на пассионарности каждого психотипа, т. е. органичной совокупности психофизиологических характеристик личности, определяющей ее социальную активность и влияние на окружающих и характер конкретных событий.

Психоисторические исследования объективно сталкиваются с проблемами эволюционной биологии. Неслучайно поэтому в периодическом издании Американской ассоциации историков «Журнале междисциплинарной истории» в 90-е годы развернулась дискуссия по проблеме совмещения изысканий эволюционной биологии и психоисторических исследований. В этом плане вызывают интерес исследования по выявлению на историческом материале генетических механизмов человеческого поведения¹⁸.

Исследуя основные черты психологического облика людей, живущих в бывших социалистических странах, психологи Дж. Б. Вайнхолд (США) и В. М. Бондаровская (Украина) говорят об особой «советской психологической модели», отличающейся от западной своими культурными компонентами (например, воспитанием детей, морально-этическими нормами, ориентацией на будущее, мотивацией деятельности и др.). Господство тоталитарной системы в социалистических странах, по их мнению, привело к тому, что в системе ценностей ведущее место занял коллективизм, а не индивидуализм. Результатом этого стала потеря личностной идентичности, подмена ее социальной, коллективной ориентацией. Поэтому после крушения социалистической системы общество оказалось психологически уязвимым для негативных влияний, не готовым к новым экономическим отношениям, предполагающим индивидуальную ответственность и свободу выбора¹⁹.

В связи с этим созданный в 1991 г. Международный Гуманитарный Центр (ИНС) на очередной своей конференции предложил специальную программу, направленную на психологическую поддержку народов Центральной и Восточной Европы.

Успешное применение психоаналитического метода открыло новые

возможности исторической науки. Их реализация будет способствовать удовлетворению значительно возросшего интереса человека к самопознанию. Обостряется необходимость познания альтернативности исторического развития, множественности его детерминантов, в т. ч. и биопсихологических.

Становится очевидным, что подлинная задача историка заключается не в том, чтобы ломать копья по поводу доминирования той или иной закономерности, а в том, чтобы обнаружить «общие законы человеческого поведения, которые могут помочь человеческим существам делать рациональный выбор среди альтернатив, чтобы наилучшим образом достичь желаемых результатов»²⁰.

Изучение и использование опыта психоисториков поможет открыть новые страницы в истории Беларуси. Так, психоисторическое исследование черт детства, воспитания и взросления, проблем лидерства и насилия в белорусской истории, выявление качеств Protean Man, корреляции между психосоциальной идентичностью и национальным самосознанием имеет важное значение для исследования проблем зарождения национальной интеллигенции, утверждения народного менталитета, становления и развития белорусской нации.

¹ Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн. 1. Тбилиси, 1992. С. 372.

² См.: Mazlish В. // Varieties of Psychohistory. New York., 1976. P. 18.

³ См.: Белявский И. Г., Шкуратов В. А. Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982. С. 201.

⁴ См.: Анцыферова Л. И. // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 223.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Erikson E. II. // Varieties of Psychohistory. New York, 1976. P. 99.

⁷ Белявский И. Г., Шкуратов В. А. Указ. соч. С. 82.

⁸ Lifton R. I. // The Psychoanalytic Interpretation of History. New York; London, 1971. P. 33.

⁹ Mauser L. de. // Varieties of Psychohistory. New York, 1976. P. 36.

¹⁰ Mauser L. de. // The Journal of Psychohistory. 1990, N 17 (4).

¹¹ Demos I. // Varieties of Psychohistory. P.180.

¹² Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 57.

¹³ Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Белявский И. Г. Американская буржуазная «психоистория». Томск, 1985. С. 122.

¹⁴ Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977. С. 122.

¹⁵ Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Белявский И. Г. Указ. соч. С. 153.

¹⁶ Мэнюэл Ф. Е. // Философия и методология истории. М., 1977. С. 287.

¹⁷ Кайтук В. М. Эволюция диктата. М., 1993. С. 11.

¹⁸ Guha S. // Journal of Interdisciplinary History. 1993. V. XXIII. N 4.

¹⁹ Weinhold J. B., Bondarovskaya V. M. The Psychological Effects of Communism on The People of Central and Eastern Europe. International Humanitarian Center. 1995.

²⁰ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 74.